

Олег Корионов

В театре

Рассказ

В провинциальном театре давали «ностальгическую деревенскую комедию».

Кумир публики Лапин — с величавой осанкой, барским лицом и холеными руками — играл сельского пьяницу Тимофея.

Осанку спрятали под простыней: Тимофей весь спектакль пролежал на койке с загипсованной ногой.

Лицо и руки скрыть не удалось.

Вчера в «Герострате», где Лапин играл сатрапа Лидии, порода была как нельзя кстати.

А сегодня, стоило взглянуть на Тимофея, сразу вспоминался фильм «Иван Васильевич меняет профессию».

«О, горе мне!».

Впрочем, местная публика, обожавшая актера, на эти мелочи внимания не обращала.

...Половину пьесы Тимофей вымаливал у домочадцев именины. Вторую — пил.

Приподнимался на локте, хлопал рюмку, закусывал и с облегчением откидывался на подушку — до нового тоста.

Всамделишный мужик продержался бы в такой позе дольше.

А Лапин уставал.

Но попробуйте выдержать на локте полспектакля.

...Актриса Колчина уже второй вечер была замужем за Лапиным.

Вчера — Клементина, супруга Тиссаферна. Сегодня — Катерина, жена Тимофея.

В нашем времени ей было легче: будто всю жизнь прожила в деревне.

А в триста пятьдесят шестом году до нашей эры нервничала. Хотя, когда выходила на поклон, хлопали.

... Зал маленький: всего девять рядов.

Сцена перед носом.

Сидевший на первом ряду очкарик запросто мог схватить за ногу актрису Белкину — смазливую Таньку, дочь Тимофея и Катерины.

Корионов Олег Анатольевич родился в 1960 году на Урале (г. Красновишерск). Вырос в Самаре. Окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Работал на заводе, в редакциях областной, отраслевой и центральной газет, а также в коммуникационных агентствах и государственной концертной организации. Печатался в журнале «Знамя», «Урал». Живет в Москве. Предыдущая публикация в «ДН» — 2017, № 7.

Но, во-первых, Белкина повода не давала.

А во-вторых, очкарик был с мамой. Та время от времени открывала сумочку, доставала шкалик, делала глоток и передавала сыну.

Лапин любовался этой парочкой.

Во время тоста улучил момент. Подмигнул мамаше и чокнулся с ней — на расстоянии.

...Атмосфера в зале была душевная.

Зрители — в основном женщины — пришли отдохнуть. И получали свое, не замечая, что веселье деланное, Хоботов (завхоз) переигрывает, Белкина ждет не дождется окончания спектакля, а Яшкина (бабка), несмотря на прикид, годится Лапину в племянницы.

Тандем — задорная постановка и непритязательная публика — работал безотказно.

...Белкина начинала спектакль хорошо. Потом вдруг испортилось настроение, и все пошло не так. Хотя и текст помнила, и самая симпатичная на сцене.

А все Хоботов.

Уже третий год обещает уйти от жены. И тянет.

Вдобавок пьет.

Вот и сегодня вышел на сцену с красной рожей.

Зрителям — потеха, а ей...

«А ну его...».

Хоботов старше Белкиной на двадцать лет. Ясно, что никогда от жены не уйдет.

Но театральный роман как спектакль. Антракт уже был. Второе действие не первой свежести. Скоро — занавес.

...Вчера Хоботов играл Герострата.

Наелся аплодисментов. На наливайке после спектакля переборщил. С утра чуть концы не отдал.

Дал себе слово: ни-ни.

И не удержался: накатил пару рюмок перед спектаклем.

Зато настроение нарядное.

Играет с нахрапом.

Прет на Таньку танком. А у той глаза пустые.

Вообще-то, Белкиной по роли положено скучать: засиделась девка в деревне, ухаживания завхоза (Хоботова) ей уже вот где.

Но у Лапина, Колчиной, Хоботова и Яшкиной глаза правильные — с выражением. А у Белкиной никакие. Будто и себя, и Хоботова со товарищи, и зрителей, и всю «ностальгическую деревенскую комедию» похоронила.

Хоботов, скотина, этого не видит.

Ему все нипочем: и на сцене, и в жизни.

Белкину заела пустота.

Не удержалась: послала Хоботова прямо на сцене. И разревелась.

Настала пауза, бездонная, как пучина в глазах Белкиной.

Какая-то тетка в пятом ряду, чтобы совсем было весело, выдохнула на весь зал:

«Эх...».

А женщина с хвостиком — в третьем ряду — всхлипнула.

Вслед за ней — другая.

Мамаша очкарика судорожно открыла сумку, достала шкалик, допила его и затынула:

«Я на речке была-а.

Косыночку мы-ыла-а. Косыночка уплыла-а. Меня мама би-ила-а».

Теперь уже выло ползала.

Очкарик утешал маму.

Актеры растерялись.

Осветитель не придумал ничего лучше, чем выключить свет.

...Первым очнулся Лапин.

Больно ущипнул Белкину, сидевшую за столом на краешке койки.

Заорал:

— Песню играй!

И еще громче:

— В этом доме свет будет?

Осветитель спохватился, врубил свет.

Хоботов схватил баян, прошелся по клавишам и завел:

— «Живет моя отрада

В высоком терему...».

Белкина подхватила:

— «А в терем тот высокий

Нет хода никому...».

Допевали всем залом.

А потом актеры доиграли комедию: весело, как положено.

И вот как бывает. Корреспондент местной газеты написала: «Это был лучший спектакль театра в сезоне. Мэтр Лапин был неподражаем. Колчина великолепна. Хоботов и Яшкина — в ударе. А Белкина превзошла всех, продемонстрировав талант комедийной актрисы и яркие драматические данные».

Спустя полмесяца, когда вновь давали «ностальгическую деревенскую комедию», режиссер попробовал повторить фортель Белкиной и реплику с пятого ряда.

Но у Белкиной, к которой таки ушел от жены Хоботов, глаза светилась. Вместо надрыва получился радостный всплеск.

А Прошечкина, ставшая подсадной уткой в пятом ряду, перед репликой уронила сумку. Раздраженно буркнула: «Эх...». И получила лишь косые взгляды соседей.

Больше режиссер не морочит голову ни себе, ни актерам, ни зрителям.

Играют, как раньше.

Правда, была заминка: Хоботов бросил пить и потерял задор. Навевал на зрителей такую скуку, что режиссер заставил его принимать сто грамм перед спектаклем.

Теперь Хоботов снова носится по сцене носорогом.

Вместе со спиртным к нему вернулось здравомыслие: расстался с Белкиной.

Та хотела отравиться, но передумала. Продолжает играть. Теперь увлеклась Лапиным.

Все устаканилось. Весело и мило.

Публика больше не плачет.